

Х С Д О Л О Р Е С

Взаимность

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д64

HC Dolores
REDAMANCY

Серия «Любовь и грех»

The moral rights of the author have been asserted. Published by arrangement
with Synopsis Literary Agency and Ginger Clark Literary, LLC
<https://www.authorhcdolores.com/>

Перевод с английского *Елены Теплоуховой*
Оформление обложки *Виктории Давлетбаевой*

Долорес, ХС.
Д64 Взаимность: [роман] / ХС Долорес; — [перевод с англий-
ского Е. Теплоуховой]. — Москва: Издательство АСТ, 2026. —
320 с. — (Любовь и грех).

ISBN 978-5-17-181719-0

Прошлое возвращается вместе с человеком, которого я отчаянно пыталась забыть.

Десять лет назад наши пути с Адрианом Эллисом разошлись, но перед этим он поклялся, что найдет меня и сделает своей. С тех пор я построила новую жизнь в Нью-Йорке — развиваю карьеру художницы, учусь жить свободно.

Но когда мне кажется, что все наконец начинает налаживаться, Адриан возвращается. Он уверяет, что появился в городе не ради меня, однако привычная жизнь постепенно рушится, и мне становится все труднее игнорировать его скрытое влияние. И чем дальше, тем яснее становится: некоторые вещи невозможно забыть или оставить в прошлом.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Redamancy – © 2025 by HC
Dolores.

© Е. Теплоухова, перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-181719-0

Посвящается читателям, которые вечно переживают о том, что их темную сторону никто никогда не полюбит

От автора

«Взаимость» — вторая книга дилогии «Роковое влечение» в жанре темного романа с постепенным развитием отношений между главными героями. Возможно, в какой-то момент вы зададитесь вопросом, где же в этом произведении *темные* стороны? Но читайте дальше, уверяю вас, они есть.

Во «Взаимности» не только более темные и откровенные сцены, по сравнению с первой книгой, но и сама связь между Поппи и Адрианом становится значительно мрачнее — и демонстрирует токсичные, нездоровые модели поведения, которые недопустимы в реальной жизни. Предупреждения о триггерах вы найдете ниже.

Приятного чтения!

Предупреждение

- Сцены смерти/жестокости
- Передозировка лекарств
- Психологическое насилие
- Эмоциональная манипуляция
- Злоупотребление властью
- Обсуждение насилия над ребенком
- Краткое упоминание аморальных поступков
- Шантаж/вымогательство
- Сомнительное согласие (в сексуальных отношениях и вне их)
- Откровенные сексуальные сцены
- Элементы БДСМ (удушение и связывание)

10 ЛЕТ СПУСТЯ

Глава 1

Давай же. Ты сможешь.

Делаю глубокий вдох.

Именно сегодня — это как никогда важно — ты должна справиться.

Зеленая жижа, колыхающаяся у меня в стакане, вызывает еще меньше аппетита, чем раздавленный на тротуаре брусочек картошки фри, которым прямо сейчас обедают голуби. Но я уже почти у цели.

«Главное — настроиться», — внушаю себе, игнорируя подступающую тошноту, делаю глоток и...

О боже.

Там комочки.

Не помню точный список органических фруктов, овощей и трав в его составе, но почти уверена, что солонинку сейчас засорил ошметок спаржи.

Сглатываю подступившую к горлу желчь.

Даже не уверена, отчего мне становится дурно: то ли оттого, что эта взбитая в блендере смесь из одуванчиков, спаржи и сосновой пыльцы — *первое*, что попало за сегодня ко мне в желудок, или от осознания, что отдала за нее пятнадцать долларов.

Неужели им так сложно было добавить в меню что-нибудь без этой чертовой сосновой пыльцы?

Звякает колокольчик на двери, я поднимаю голову, но блондинка с пышными формами, которая вошла в «Зеленую Чакру», — не та, кого я жду.

— Мне, пожалуйста, ваш безглютеный омолаживающий зеленый смузи, — приблизившись к стойке, говорит она. — Только уберите травяное масло гхи, добавьте пробиотик, молозиво без добавок и органическую цветочную пыльцу.

Кассирша и бровью не ведет. Это Верхний Ист-Сайд. Вероятно, органическую цветочную пыльцу здесь заказывают чаще, чем латте на обычном коровьем молоке.

Блондинка стягивает пуховик Canada Goose и остается в спортивном костюме, который облепил ее тело, будто вторая кожа.

Хм... Думаю, она с йоги.

— И я узнаю, если вы добавите вместо стевии сахар, — предупреждает она кассиршу. — Я только что с пилатеса и очень щепетильно отношусь к тому, чем насыщаю собственное тело.

Пилатес.

Следовало догадаться.

Через ткань футболки я могла бы пересчитать каждый кубик на ее животе.

Она достает из сумочки кошелек «Прада», а у меня живот скручивает от зависти.

Спорим, ей не надо проверять свой банковский счет перед тем, как потратить эти пятнадцать баксов.

Блондинка с пилатеса поворачивается в мою сторону, и я утыкаюсь в свой ноутбук, надеясь, что она не учует мою зависть так же, как может почувствовать ненатуральные подсластители.

К счастью, кроме меня, других посетителей здесь нет, и я заняла идеальное место за столиком в углу, но все же на виду, чтобы любой вошедший меня заметил сразу.

Чтобы она меня заметила.

Поверить не могу, что я на самом деле это делаю.

Нервы у меня на пределе, да еще эта тошнота, и я вдруг жалею, что отказалась утром, когда Луэнн предлагала разделить с ней за завтраком наш последний заветренный сэндвич.

Раскладываю по столу акварель, и, обмакнув кисть в красный цвет, смешиваю на палитре с капелькой зеленого.

Но на самом деле я не касаюсь кистью бумаги.

Передо мной открыт скетчбук на странице с тем сложным акварельным портретом, который я закончила еще на прошлой неделе, но сейчас я нанесла поверх столько мазков свежей краски, чтобы казалось, будто работа только начата.

Как будто я проделала весь этот путь — сорок минут на метро от места, где сейчас живу, — только для того, чтобы попить зеленого сока с комками да порисовать.

Как будто я не сижу весь последний час как на иголках, не сводя глаз с двери.

— Вот ваш омолаживающий смузи без глютена, — барменша подвигает через стойку бокал блондинке с пилатеса, которая молча принимает его, задрвав подбородок так высоко, будто считает себя самой важной персоной в этом зале, а может, и на всем белом свете.

И не исключено, что так оно и есть.

Меня бы это ничуть не удивило. Нью-Йорк — такое место, где с одинаковой вероятностью можно встретить как ничтожество вроде меня, так и какую-нибудь актрису второго эшелона, выгуливающую свою собаку.

И еще это место, где — благодаря неделям планирования, слезки и небольшой взятки — можно выяснить, в каком заведении владелица самой известной художественной галереи раз в неделю любит подзарядиться.

Словно по заказу, колокольчик на двери снова звякает, я поднимаю голову, сердце подсказывает к горлу, и...

Вот и она.

Оушен Уинтон выше, чем выглядит на фотографиях.

Думаю, где-то метр восемьдесят, и она даже не на каблуках. На ногах у нее просто пара греческих сандалий на плоской подошве, которые *должны* бы выглядеть в январе нелепо, но каким-то образом ей удается этого избежать. Возможно, благодаря бирюзовой крестьянской юбке и джинсовой куртке, с которыми она их надела.

Ее рост — единственный для меня сюрприз, во всем остальном образ полностью соответствует тому, который у меня сложился после изучения ее соцсетей. Зеленые глаза и усыпанное веснушками лицо, отливающие медью кудрявые волосы, которые — если верить ее соцсетям — она перестала пытаться выпрямлять три года назад, после «изменившего ее жизнь» йога-ретрита в Перу.

Я заставляю себя продолжать смешивать краски, как будто пришла сюда *исключительно* ради этого, а она идет к стойке, позвякивая браслетами на запястьях.

— Оушен, вам как всегда? — спрашивает барменша.

— Да, пожалуйста, — отвечает она, и даже ее голос звучит звонко. Как ветряные колокольчики. — Вишневый, средний...

...смузи-эликсир с добавлением коллагена, питахайи и экстракта мукуны.

За эти подробности я тоже должна благодарить ее соцсети. От кофеина она отказалась, но раз в неделю, по вторникам, перед тем как отправиться в галерею, балует себя бодрящим эликсиром.

Это единственное время в распорядке ее дня — да и в ее жизни, — когда она не окружена ассистентами, коллекционерами живописи, кураторами, дирек-

торами и художниками, жаждущими обратить на себя ее внимание.

А сейчас это моя единственная возможность обратиться ее внимание на себя.

Расскажи я кому-то, кроме Луэнн, что выслеживаю владелицу художественной галереи и даю взятки за то, чтобы узнать ее расписание — и все ради того, чтобы подстроить якобы «случайную» встречу в ее любимом баре в Верхнем Ист-Сайде, — меня бы точно упекли в психушку.

Но подоплека этого решения — не иллюзии, а холодный расчет.

И жуткое отчаяние.

В галерее Оушен лист ожидания только на собеседование с одним из ее арт-директоров расписан на три года вперед, а затем — если им понравиться, — придется *еще* год ждать, чтобы встретиться с самой Оушен, которая редко дает добро зашедшим так далеко.

А все потому, что женщина не любит проводить собеседования с художниками, у которых портфолио тщательно подобраны и ответы заранее подготовлены.

Ей нравится их *открывать*.

Она случайно наткнулась на Нико Костаса, который торговал своими скульптурами на ремесленной ярмарке. Она увидела в парке расписанную Азией Бауэр скамейку. Она нашла картины Джексона Валентайна на стенах маленькой кофейни в Квинсе. Их продавали по десять баксов за штуку.

И все трое — да, по сути, *все* художники, которых Оушен представила в «Арс Аструм», стали известны во всем мире. Продали свои работы коллекционерам Парижа и Лондона. Расписали Таймс-Сквер, заработав сотни тысяч долларов. Получили протекцию скан-

динавских миллионеров, которые желали заполучить собственных художников в штат.

«Я прошу свыше прислать мне единственный и неповторимый талант, и матушка Земля посылает мне знаки», — так, по крайней мере, заявила Оушен в своем последнем интервью «АртНьюс».

Не могу говорить за матушку Землю, но, если Оушен Уинтон нужен знак, я с большим удовольствием его подам.

— Минутку, и ваш напиток будет готов, Оушен.

Я слышу рокот миксера и тихую поступь ее шагов. Дрожащей рукой смешиваю краски.

Заметила ли она меня?

Осторожно бросаю на нее взгляд, но Оушен рассматривает баннер на доске объявлений.

Она должна меня заметить. Кроме меня, здесь больше никого нет.

Набираю побольше воздуха в грудь и стараюсь унять дрожь в руках. Блендер вырубается.

Может, она и не подойдет. Может, я не похожа на знак, посланный свыше. Возможно, у меня вид претенциозной выскочки, которая просиживает в баре, где подают соки. Возможно...

— Какая интересная у тебя манера письма.

Я вздрагиваю, едва не пролив на свой рисунок зеленый сок за пятнадцать долларов.

— Прошу прощения, не хотела тебя напугать, — говорит Оушен, поднимая вверх тонкие бледные руки. — Но я еще возле барной стойки обратила внимание на то, как ты рисуешь, и не смогла сдержать любопытства. Я, можно сказать, тоже немного художник. — Взгляд ее зеленых глаз опускается вниз на скетчбук. — Можно мне?..

— Э-э-э... — За последний месяц я сотни раз представляла именно такой сценарий нашей встречи, и все

же... в мозгу у меня будто произошло короткое замыкание. И я разучилась складывать слова в предложения.

Однако, кажется, Оушен приняла мое молчание за смущение.

— Ах да, конечно, я не хотела тебя беспокоить. — Она пятится назад. — Что ж, не буду тебе мешать...

— Нет! — вырывается у меня резче, чем мне хотелось бы, а она удивленно округляет глаза.

Вот же черт.

Сбавь обороты.

Прочищаю горло.

— Вообще-то, нет. Вы мне нисколько не мешаете. Вот, можете посмотреть. Я Поппи. — Протягиваю ей скетчбук, и Оушен, поблагодарив, забирает его. — Правда, ничего особенного. Просто набросок.

Что на моем языке означает «долгие часы кропотливой работы».

— Прекрасная работа, — спустя мгновение произносит она. — Честно говоря, акварель — моя слабость.

О, я это знаю.

Вы упоминали об этом три года назад в интервью одному интернет-порталу.

— А ты используешь технику «мокрым-по-мокрому», — бормочет Оушен, и я не уверена, со мной она говорит или сама с собой, но затем вижу ее вопросительный взгляд.

— Да, точно, — киваю.

— Большинство художников-акварелистов предпочитают «мокрым-по-сухому». Она проще. Получается точнее. — Она не сводит взгляда с рисунка, и я бы все отдала за возможность прочесть ее мысли. — Техника «мокрым-по-мокрому» гораздо сложнее, особенно для такого портрета.

— Так и есть, — соглашаюсь я. — Но так границы выходят мягче и градиент лучше.

Она кивает со знанием дела и вдруг спрашивает:

— Пратт?¹

Я искренне изумляюсь, широко распахнув глаза:

— Да. Как вы узнали?

Женщина улыбается мне так, будто тоже ожидала этого вопроса.

— Потому что это их стиль. Всех студентов Пратта обучают такой технике. И это одна из многочисленных моих претензий к системе художественного образования. Потому что, помимо обучения, они *еще* внушают вам, что существует «правильный» и «неправильный» способ творчества. «Лучшая техника». Не сосчитать, сколько раз я видела, как подобный подход истреблял на корню индивидуальность художника.

Вот дерьмо.

Выходит... я ее не впечатлила, если она посчитала, что художественная школа погубила мою индивидуальность.

— Надеюсь, я тебя не обидела. Это только мое мнение, — добавляет Оушен. — Это же очевидно — когда, как я, столько времени вращаешься в мире искусства, постоянно такое видишь. Художники загоняются в рамки, из которых выйти уже не могут.

И я вижу это — как в ее глазах гаснет искра интереса, с которым она смотрела на мою акварель.

Желудок болезненно сжимается.

¹ Институт Пратта — частный колледж художественного искусства, названный в честь Чарльза Пратта, который занимался развитием нефтяной промышленности в Америке.

Сейчас она спишет меня со счетов, как очередного выпускника художественной школы, которого загнали в рамки.

— Я с вами согласна, — выпаливаю я.

Ее брови ползут вверх.

— Вот как?

Я колеблюсь, лихорадочно подбирая подходящий ответ. Можно было бы соврать — сказать, что считаю обучение в Пратте пустой тратой времени, и что я больше бы узнала про искусство, просто путешествуя по горам Вильгельмины.

Я могла бы настоять на своем — сказать, что ни на секунду не пожалела о времени, которое потратила на Пратт, — и надеяться, что хотя бы моя уверенность ее впечатлит.

Или могу просто сказать честно.

— С одной стороны, это бесценный опыт. Я должна сказать Пратту спасибо за полученные технические навыки и постоянную работу на пределе своих творческих возможностей. — Я нервно тереблю кисть. — Но в то же время мне было там невыносимо тесно. И я с трудом могла отделить свой голос от голосов других людей.

Она сверлит меня взглядом зеленых глаз.

— И у тебя получилось?

— Получилось — что?

— Отделить свой голос от остальных.

Я судорожно сглатываю.

— Хотелось бы верить, что это так.

Хотелось бы, чтобы ты в это поверила.

К большому сожалению, по выражению лица Оушен невозможно понять, о чем она думает, но затем...

— Поппи, у тебя есть еще какие-то рисунки?